

Верхнего мира в структуре дома выступает его верхняя часть – чердак. Наименованием данной части жилого помещения является слово об. С *kōspa*, в котором вычлняются элементы *kōs-* ‘самка’ и *pa* < *raja* ‘старуха’. Сведем в бином слова *kōspa/qažar* ‘мамонт’. В этнографических описаниях его характеризуют как чудовище, обитающее в речных глубинах, охраняющее вход в нижний подводный мир, т.е. представитель нижнего мира. Исходя из данного значения, полагаем, что *kōspa* – ‘хозяйка, охраняющая выход в средний мир’. В профаном мире это может быть женщина, принимающая роды.

Проведенное исследование позволяет заключить, что образы мира идеального и символы мира

материального переплетены. Из их взаимодействия формируются картины мира этноса. Языковая картина мира отражает наиболее глубинные слои формирования глобального образа вселенной. В приложении к идее рождения человека → рода → фратрии → племени анализ самоназваний позволяет раскрыть принцип их номинации: от наименования ‘человек’ к наименованию ‘род’ через сложение корней, от наименования рода к наименованию фратрии через словосложение и далее к наименованию племен как носителей территориальных диалектов через замену компонента *kula* на компонент *qum* ~ *qur*.

Поступила в редакцию 19.04.2007

Литература

1. Гречко В.А. Теория языкознания. М., 2003.
2. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
3. Пелих Г.И. Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981.
3. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
4. Сатеева Э.В. Основообразующие суффиксы имени существительного в селькупском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.
5. Молданов Т.А. Картина мира в медвежьих игрищах северных хантов (XIX–XXI вв.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2002.
6. Быконя В.В. Послелог в селькупском языке // Проблема этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983.
7. Долгих Б.О. Родовая экзогамия у нганасан и энцев. СЭС IV. М., 1962.
8. Быконя В.В. Фрагменты духовной культуры селькупов в наименованиях мифических образов // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (филология: индоевропейские и сибирские языки). Вып. 4 (55). Томск, 2006.
9. Чеснов Я.В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // Этнография имен. М., 1971.
10. Ким А.А. Культурная лексика. Томск, 1997.

УДК 809.41/43; 809.44/45

Ю.А. Зеремская

МУЖСКИЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ (МАТЕРИНСКАЯ И ОТЦОВСКАЯ ЛИНИИ)

Томский государственный педагогический университет

Определенная номенклатура родства всегда отражает вполне определенную систему родства. Но так как основной словарный фонд, куда и входят номенклатура родства и свойства, изменяется очень медленно, в то время как форма семьи изменяется быстрее, то часто можно наблюдать расхождение между фактически существующей формой семьи и фактическими отношениями родства и свойства и системой родства, заключенной в действующей еще старой номенклатуре родства [1, с. 60].

Изучение терминологии родства представляет большой интерес, так как первоначально, как считает Э. Вестермарк, «термины родства были всего лишь формами обращения, употреблявшимися с

учетом пола, возраста и внешних социальных факторов, значимых для отношения между говорящим, и тем, к кому он обращается» [2, с. 20].

Таким образом, задачей лингвистов, изучающих терминологию родства, является попытка вскрыть взаимоотношения народов между собой и взаимоотношения внутри конкретного народа.

На сегодняшний день номенклатура родства в селькупском языке не является активной лексикой, она сохранилась только у стариков, да и то не у всех. Обычно люди знают только те термины родства или свойства, которые у них имеются фактически. Для точного обозначения степени родства и свойства существует описательная система: стар-

шая сестра моей матери, сын старшего брата моего отца, муж дочери брата моего и т.д. Эта система имеет своей целью объяснить родственные отношения. Описательная система используется во всех языках Севера. Но наряду с описательной системой употребляется довольно подробно разработанная классификационная система обозначений родства [1, с. 60–61]. В статье «Классификационные системы терминов родства», вышедшей в 1909 г., Кроебер отметил, что исследователям не следует разбирать сотни и тысячи различных терминов родства, которые можно найти в языке, им следует разбирать принципы (признаки) терминов родства, которые лежат в их основе. И он представил 8 основных признаков, по которым следует расписывать термины родства: 1) поколение; 2) родство или свойство; 3) прямое или не прямое родство; 4) пол родственника, через кого происходит родство (через мужчину или женщину); 5) пол говорящего; 6) пол родственника; 7) возраст родственника; 8) живой или мертвый родственник [3, с. 168]. Но при рассмотрении терминов родства в разных языках лингвисты выделяют разный набор признаков [4].

В данной статье предлагаются лишь некоторые мужские термины родства в отцовской и материнской линиях. Они рассматриваются с использованием сопоставительного метода и метода компонентного анализа.

Термин Ив. *čedžeka* ‘младший брат отца’, СтС *čičeu* ‘брат матери’, Тиб. *čičigam* ‘младший брат матери’, С.WV. ср.Об. *čeča*, Нарым. *čedžega* ‘брат матери’ восходит к уральскому *čeča ‘дядя’ [5, с. 34]. Они имеют соответствия в финском *setä* ‘дядя по линии отца’, эстонском *sedī* ‘дядя по материнской линии’. Для нее имеется общесамодийская праформа *cišä ‘дядя (младший брат матери)’, ср. нган. *tičid’a* [6, с. 33]. Компонентный анализ позволяет выделить для лексем *čedžeka*, *čičeu*, *čičigam* следующие признаки: 1) поколение старше эго на одну ступень; 2) материнская и отцовская линии; 3) мужской пол; 4) не прямое родство. Следует отметить, что выделенный набор признаков для этой лексемы присущ не только селькупскому языку, но и другим самодийским языкам, следовательно, мы можем предположить, что значение данного термина не изменилось в течение продолжительного времени.

Термин Ив. *āzou* ‘мой отец’; СтС *āzou* ‘отец отца’, ‘брат отца моего отца’; С.WV. таз., Обь *ēs* ‘отец’ восходит к уральскому *ičä ‘отец’ [5, с. 78]. Данная лексема встречается в марийском языке *ezä*, *iža* ‘старший брат, младший брат’. Выделяются такие признаки, как: 1) поколение старше эго на одну или две ступени; 2) отцовская линия; 3) мужской пол. Можно предположить, что данным термином сначала называли только отца, а затем при исчезно-

вании малоупотребительных терминов термин *āzou* расширил свое первоначальное значение и стал употребляться при назывании не только отца, но и мужчин старше эго по отцовской линии.

Термин тым. aka ‘старший брат’, СтС aga ‘младший брат’, УО aga, ‘младший брат отца’, ‘сын старшего брата отца’, Ив. *aγau* ‘старший брат матери’; С.WV. aga ‘старший брат’ восходит к уральскому *ekä ‘старший родственник мужского пола: отец отца, старший брат отца, дядя’. Этот термин имеется в хантыйском языке: вах. *iki* ‘старший мужчина, отец отца, отец матери’, ‘старший брат отца’, ненецком О *heka* ‘старший брат’, ‘младший брат’ [5, с. 72–73]. Лексема aga, *aγau* ‘старший брат’ встречается также в камасинском, монгольском аха, aka ‘старший брат’ [7, с. 98]; в эвенском *aqan* ‘старший брат’ [8, с. 31], *akan* ‘старший двоюродный брат’ [9, с. 126], ‘младший брат матери’ [9, с. 145]. Можно предположить, что сема aga – ‘старший родственник по женской линии’ и ‘младший родственник по мужской линии’. К данной праформе можно было бы отнести термин Ив. *iganem* ‘отец матери’, который близок по семантическому признаку хантыйскому термину *iki* ‘дядя (старший брат отца или матери)’, ‘дядя (муж старшей сестры отца или матери)’, ‘свекр’, ‘тесть’, ‘деверь’, ‘брат тещи’. Препятствием служит фонетический критерий и более широкий спектр значений термина *iki*: ‘старик’, ‘мужчина’, ср. *iki* ‘луна’, ‘месяц’ [10, с. 52]. В селькупских диалектах это значение проявляется в терминах об.Ч *iγa i* ‘внук’ и *iγa ne* ‘внучка’, тым. *iγom* ‘отчим’. Сема *iγa* – ‘старший родственник по мужской линии’. Стоит выделить два термина: aga ‘младший брат’ и *iγa* ‘старший брат’. Они передавали отношения родства дифференцированно. Впоследствии произошло расширение значения aga: ‘младший брат отца’ и ‘старший брат матери’ и появилась новая сема: ‘родственник по женской и мужской линиям’. Термины характеризуют признаки: 1) поколение старше эго на одну ступень; 2) отцовская и материнская линии; 3) мужской пол.

Термин Мак. *sälum* ‘муж сестры отца’ восходит к финно-пермскому, уральскому *käl3 (*käl3-w3*) ‘сестра мужа, сестра жены, жена брата’ [5, с. 135–136]. В финском языке она выступает в виде *käly* ‘жена брата, сестра мужа’, эстонском *kali* ‘брат мужа, жена брата мужа’. Этот термин встречается в ненецком языке *sel* ‘жены братьев (по отношению друг к другу)’, ‘сестры, вышедшие замуж’ [11, с. 544]. Данная лексема также восходит к общесамодийскому *kelə ‘брат мужа, брат жены, муж сестры моей жены, муж сестры’ и встречается в нгансанском *šaluŋ* [6, с. 67]. Метод компонентного анализа позволяет выделить признаки: 1) поколение старше эго на одну ступень; 2) отцовская линия; 3) мужской пол; 4) свойственник. Анализ материа-

ла позволяет заключить, что данный термин обозначает некровного родственника (любого пола) поколения эго, вошедшего в его семью.

Термин Лук. **inem** ‘младший брат отца’, ел. *inētī* ‘мальчик’, ‘юноша’, кет. *ine*, ел. *ina* ‘ребенок’, ‘брат’; С. WV. NP *inne* ‘старший брат’ [7, с. 107] восходит к общесамодийскому *inā ‘старший брат’ и встречается в нганасанском *inēne*, энецком *ina* [6, с. 27]. Ему свойственны следующие признаки: 1) поколение эго, поколение младше и старше эго на одну ступень; 2) мужской пол. Можно предположить, что первоначально данный термин обозначал старшего брата. Лексема *inem* восходит к общесамодийской основе *inā*, для которой реконструировано только одно значение. Но из-за процесса слияния младшего поколения с последующим старшим, который хорошо описан в работе Г.В. Дзибель [2, с. 58–59], термин, обозначавший (старшего) брата, стал использоваться для обозначения и младшего брата отца, таким образом последовало расширение его значения. Обратимся к терминам Ласк. *ōpōka* ~ *ōpeka* ‘отец отца’, об. Ч *eneka*, *eņeka*, *ōnokka*, *ōnəu*; вас. *eneka* в значении ‘дедушка (по отцовской линии)’, ‘прадедушка’. Данное слово образовано с помощью диминутивного суффикса *-ka* от об. Ч *ēp* ‘дед’, ‘дедушка’: *ēla tan ēp-ō!*? ‘жив твой дедушка?’. Получается, что корни *ēp-*, *ōp-* и *in-* показывают родственника мужского пола. В свою очередь, гласные *ō*, *ə*, *i* в корнях *ōp-*, *ēp-*, *in-* тоже находятся в условиях противопоставления, так как термины с корнем *in-* показывают родственника младше отца эго, а термины с корнем *ēp-*, *ōp-* показывают родственника старше отца эго. Основа с семой *ēp* ‘родственник мужского пола’ находится в условиях противопоставления с основой *ēm*, вычлняющейся в терминах об. Ч *ēmna* ‘невестка’, *ēmnan rāja* ‘бабушка’ со значением ‘родственница’. Таким образом, дифференциация по семе ‘пол’ достигается за счет консонантного элемента *-n* для мужского пола и *-m* – для женского пола. В свою очередь, дифференциация по семе ‘младший/старший’ передается соответственно вокалическим элементам *i* / *ə* ~ *ō*.

Термин Тиб. **il'da** ‘брат матери’, Варг. *il'da* ‘старший брат матери’ встречается в баишенском диалекте *ildža* ‘старший родственник из того же рода, бог’, ел., таз., р. Чая *il'da* ‘отец’ [7, с. 107]. При использовании компонентного анализа можно выделить такие признаки, как: 1) поколение старше эго на одну ступень; 2) линия матери; 3) мужской пол. В тазовском диалекте термином *il'da* обозначается любой родственник мужского пола старше родителей – дед, прадед, брат деда, старший брат отца и матери, старший брат мужа: *il'ča*, *šip ütāš* – ‘дед, меня отпусти!’ [12, с. 111]. Сопоставление объема значений данного термина в северном и южном диалектных ареалах позволяет предположить, что

данная лексема использовалась в качестве особо почитаемой формы обращения к отцу. Отсутствие иллюстративного материала не позволяет подтвердить данное предположение, но косвенным подтверждением являются следующие примеры: тур. *tem il'dat tare mēsīt* ‘он сделал по-божески’; *kol' inloy il'ča tottotīn* ‘изредка гремел гром’; ел. *qum aša eņel'e il'džandə tüsīt* ‘человек без страха к медведю подошел’. Наряду с обозначением родственных отношений лексеме *il'da* присущи значения ‘Бог’, ‘гром как проявление небесной сферы’, ‘медведь’, ср. тур. *il'čika* ‘дедушка’, ‘медведь’ (именно медведь считается прародителем рода человеческого) [13, с. 140]. Первичным значением анализируемой лексемы могло быть ‘Бог на земле’, ‘основатель жизни’, ‘старший в роду’ → ‘старший родственник’. Значение ‘старший’ трансформировалось в значение ‘старый’: об. Ч *il'džal*, вас. *el'd'al* ‘старый’: об. Ч *il'džal era*, вас. *il'džal era* ‘дедушка’, ‘тесть’, ‘свекр’ (букв. старый старик).

Этимологический корень *-il-* (при регулярном звуковом соответствии *i*~*e*)<сам. *ilā ‘жизнь’ вычлняется в словах об. Ш, Ч *ilaut*, об. Ч *elave* ‘родители’, ел. *il'iqo*, тур. *illiqo*, об. Ш, Ч, кет. *illigu* ‘жить’, об. Ш, Ч, кет., вас. *elgu* ‘жить’, кет. *illindī*, об. Ш *eldi* ‘живой’, кет. *illasan*, об. Ч, вас. *elfat* ‘жизнь’, кет. *illēptigu* «оживить», *illēgu* «ожить», ел. *il'indejm* «житель», «животное», об. Ч *ellēligu* ‘начать жить’, об. Ч, вас. *ella* ‘душа’.

К корню *-il-* восходит также слово *ilma* ‘жена’: тым. *varu ilma* ‘старшая жена’. При сопоставлении терминов *il'da* ‘старшая сестра матери/отца’ и *ilma* ‘жена’ в сочетании *varu ilma* ‘старшая жена’ выделяем дифференциальный признак ‘кровный/некровный родственник женского пола в поколении, старшем на две ступени’, ‘некровный родственник женского пола’, имеющий социальный статус ‘старший’.

Термин Ив. **temñam** ‘сын младшего брата отца’, СтС *tīmpau* ‘брат отца’, ел. *t'ip'ina* ‘брат’, об. Ч *təñna* ‘брат’, вас. *təbña* ‘брат’, кет. *tībjña* ‘брат’, тым. *tereña* ‘брат’ восходит к общесамодийскому *tīpā ‘мужчина’ и встречается также в камасинском *tsībi*, *tsīvī* ‘женатый мужчина’ [6, с. 163]. Ю. Янхунен выделяет для самодийского корня *ne значение ‘женщина’, а для самодийского корня **na/nā* ‘мужчина’ [6, с. 106]. У М.А. Кастрена термин *teb* обозначает ‘мужчина’, *tebena* ‘брат’, *tibena* ‘старший брат’. Это подтверждается фактическим материалом современных диалектов, ср. тым. *t'eb'equ* ‘мужчина’, СтС *tībe* ‘мужчина’, ‘муж’, Ив. *tebī* ‘мужчина’, ‘муж’, кет. *tībiyum* ‘мужчина’, *tībij* ‘мужской’. Н.И. Терешкин в своем словаре восточно-хантыйских диалектов дает следующие термины: *t'at'e* ‘отец’, *t'et' öpi* ‘старшая сестра отца’, *t'et'i* ‘дед по отцу’ [10, с. 49]. Компонент *ter-*, *teb-* встречается в следующих лек-

семах: тым. *tebanbəgu* ‘быть замужем’, СтС *tebet megu* ‘отдать замуж’. Следовательно, мы можем предположить, что данный компонент является выразителем мужской линии. В противопоставлении к *temnam* для термина *čimna* выделяется женская линия. Ср. об.Ч *čimna* ‘брат’: *čimna ondži βary ŋinŋamolī m’embadi tābəndugu* ‘младшие братья отдали свою старшую сестру замуж’, кет. *čebar* ‘муж тети’, *čērag* ‘муж моей младшей дочери’, ‘муж дочери моего младшего брата’, ‘муж младшей дочери моего брата’. Из этого видно, что *či-*, *če-* раскрывают женскую линию. Также при морфемном членении обоих терминов выделяется компонент *na*, общий для всех терминов со значением ‘брат’. Раньше это значение было более узким. Сейчас значение конкретной связи между двумя лицами сохранилось во взаимноличном местоимении СтС *ŋa* ‘друг

друга’: кет. *kundə m’e n’əβi assi qon3ərsə* ‘мы долго друг друга не видели (двое)’, СтС *udol, n’ayində qatel3ət!* ‘ну, руки, похлопайте! (букв. друг друга ударьте!)’. Расширение значения привело к многозначности термина *ŋa*, для которого восстанавливается исходное значение ‘человек’.

В результате анализа мужских терминов родства: *čedžeka ~ čižeu ~ čičigam, āzou, aga ~ aγau, sālum, inem, il’da, ŋpōka ~ ŋneka, temnam ~ tɪmnau* установлено, что они представляют в терминологической системе родственников по материнской и по отцовской линиям. Дифференциация выявляется на основе принципа бинарных противопоставлений на семантическом и фонетическом уровнях. Данный принцип позволяет развести не только мужскую и женскую линии, но и линию ‘старший/младший’.

Поступила в редакцию 19.04.2007

Сокращения

СтС – Старо Сондрово; Тиб. – Тибинак; Ив. – Иванкино; УО – Усть-Озерное; Лук. – Лукьяново; Мак. – Маковское; нган. – нганасанский; вах. – ваховский диалект; об.Ч – обские говоры Чумьлькуп; тым. – тымский диалект; тур. – туруханский диа-

лект; вас. – васюганский диалект; об.Ш – обские говоры Шешкуп; ел. – елогуйский диалект; кет. – кетский диалект; C.WV. – *Cástren, M.A. Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen, St. Petersburg, 1855.*

Литература

1. Дульзон А.П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья. Том XI. Отд. Оттиск. Томск, 1954.
2. Дзибель Г.В. Феномен родства как этносоциологическая проблема // Алгебра родства. Родство. Система родства. Системы терминов родства. СПб., 2001. Вып. 6.
3. Lousbury Floyd G. A semantic analysis of the pawnee kinship usage // Language. Journal of the linguistic society of America. Baltimore. 1956. Vol. 32. № 1.
4. Зеремская Ю.А. Подходы к изучению терминов родства в разных языках // Сравнительно-исторические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Томск, 2007. Вып. 3.
5. Rédei Karoly. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1988.
6. Janhunen Juha. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
7. Cástren M.A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1855.
8. Спиридонов Н.И. Эвенско-русский словарь. Якутск, 2003.
9. Русско-эвенский словарь // Сост. В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес. М., 1952.
10. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
11. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.-Л., 1965.
12. Кузнецова А.Я., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1980.
13. Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997.